

Глава 16. Кольцо

Сяо Пин увлечённо болтал с остальными, но не выпускал из виду Ли Юйняня, которого сам же сюда и привёл.

— Апин, а это кто с тобой? — спросил Ду Хайнянь, смерив взглядом вошедшего следом за Сяо Пином Юйняня. — Что-то я раньше о нём ничего не слышал.

Хайнянь знал многих. В этой компании они крутились с самого детства, и их общий круг общения совпадал чуть ли не на девяносто процентов. Оставшаяся доля приходилась разве что на деловые контакты, которыми каждый обзавёлся уже во взрослой жизни.

— Сяо Нянь, познакомься, это Ли Юйнянь, — представил Сяо Пин, усаживаясь вместе с ним на свободные места. — Тот самый новый друг, о котором я говорил.

— Здравствуйте, Ду Хайнянь. А я Ли Юйнянь.

Устроившись рядом с Сяо Пином, Юйнянь принялся исподволь разглядывать его собеседника.

Хайнянь был бесспорно хорош собой — Юйнянь подметил это ещё при их мимолётной встрече в баре. Тонкие, правильные черты лица, безупречная фарфоровая кожа; в каждом жесте сквозила избалованность ребёнка, которого с пелёнок растили в холе и неге.

— Ах, Ли Юйнянь, — протянул Хайнянь, даже не подумав подняться для приветствия. Он лишь небрежно повторил имя: — Какое знакомое лицо. Мы точно нигде раньше не встречались?

Он тоже изучал гостя. Одежда на Юйняне сидела неплохо, но намётанный глаз Хайняня сразу определил: вещи далеко не дизайнерские, в лучшем случае — добротный средний класс. Больше всего Хайняня озадачило другое — ни Лян Фэн, ни Чжун Чи, ни Чжоу Юань не выказали ни малейшего удивления, когда вошёл этот парень. Похоже, он был им отлично знаком. Иначе с какой стати Сяо Пин стал бы представлять его одному только Хайняню?

— Господин Ду, мы не встречались, — спокойно ответил Юйнянь. Если не считать того случайного столкновения в баре, это действительно была их первая официальная встреча. — Наверное, у меня просто самое заурядное лицо, вот вам и кажется.

— Возможно, — равнодушно согласился Хайнянь, потеряв интерес к расспросам. Происхождение и статус какого-то случайного парня его совершенно не волновали.

— Так, ладно, давайте лучше выпьем! Хватит допросов, — вмешался Лян Фэн, почувствовав, как в воздухе натянулась невидимая струна, и поспешил разрядить обстановку. — Если виделись раньше — значит, судьба, а если нет — так вот сейчас и познакомились!

Чжоу Юань, как бы сильно ни презирал Юйняня, в такой компании устраивать сцены не решался. Слишком уж велик был риск задеть сидевшего рядом Сяо Пина, хоть тот уже и увлёкся разговором с Хайнянем.

За всё время ужина Юйнянь едва прикоснулся к еде, лишь молча осушил пару бокалов. Сяо Пин тем временем то и дело перекидывался парой слов с Хайнянем, чокался с Лян Фэном и остальными, ведя себя вполне непринуждённо и не позволяя себе ничего лишнего.

Юйнянь держался в тени, почти сливаясь с обстановкой. Лишь Лян Фэн изредка заговаривал с ним, да сидевший по правую руку Чжун Чи тихо делился какими-то мелочами. До самого конца застолья он оставался безучастным наблюдателем: смотрел, слушал и молчал.

— Ну что, наелись? Двинем дальше? — предложил Лян Фэн, довольно похлопав себя по животу.

Хайнянь не возражал — ужин действительно подошёл к концу. Чжун Чи сослался на неотложные дела и уехал пораньше, а вот Сяо Пина, учитывая наступающие выходные, Лян Фэн и Чжоу Юань отпускать отказались. В итоге вся компания — Юйнянь, Сяо Пин, Лян Фэн, Хайнянь и Чжоу Юань — направилась в КТВ «Уходящие годы». Чжун Чи же, можно сказать, легко отделался.

Едва переступив порог караоке-кабинки, Лян Фэн первым делом мёртвой хваткой вцепился в микрофон. Из тех людей, которых называют «микрофонными маньяками», он никогда не упускал шанса завывать на сцене. Пел он, впрочем, сносно — в ноты худо-бедно попадал, так что мотив угадывался без труда.

— Лян-цзы, ну что за тоску ты завёл?.. — Чжоу Юань бесцеремонно вырвал микрофон у друга и отложил в сторону. — Сколько можно это крутить? Вечно у тебя в песнях то любовь, то свидания. Слышь, ты себе настоящую девчонку завести не думал?

Хоть Лян Фэн и Чжоу Юань слыли в городе А знатными бездельниками и мажорами, которых безбожно баловали старшие родственники, они никогда не опускались до грязи. Да, любили покутить и поозорничать, пощекотать нервы, но черту не переступали. В приличных семьях детей всё же учили держать себя в руках; из полного мешка отборного зерна крысиное отродье не вырастет.

— На себя посмотри, — беззлобно огрызнулся Лян Фэн, пихнув друга локтем. — Тебе даже баба петь не поможет, медведь на ухо наступил!

Лян Фэн всё прекрасно понимал. Людям их круга суждено было жениться либо на равных по положению, либо на тех, чей брак принесёт пользу семейному делу. Даже если им и давали свободу выбора, она всегда ограничивалась строгими рамками приличий и выгоды. Конечно, существовал иной путь — отказаться от всех благ, связей и денег, которые давало происхождение. Но кто, вкусив сладкой жизни, добровольно согласится сойти на обочину?

Хайнянь, Сяо Пин и Юйнянь устроились на глубоком диване за низким столиком. Сяо Пин оказался посередине: Юйнянь сидел по левую руку от него, Хайнянь — по правую.

— Апин, а ты чего сидишь? — спросил Хайнянь, наблюдая за тем, как дурачатся Лян Фэн и Чжоу Юань. Он повернулся к Сяо Пину и подмигнул: — Помню, раньше тебя от микрофона за уши не оттащишь. Спой!

— Я сто лет не пел, пусть эти двое отдуваются, — уклонился от предложения Сяо Пин, бросив быстрый взгляд на молчаливого Юйняня.

Тот с самого прихода в клуб не проронил ни слова. Он просто сидел со своим стаканом чистой воды, время от времени делая крошечные глотки. Он не порывался заказывать песни, не лез в разговор Сяо Пина с Хайнянем. Он застыл безмолвной, почти прозрачной тенью на краю дивана.

— Вот именно поэтому и надо спеть! — раззадорился Хайнянь. — Я твой голос уже целую вечность не слышал. Давай же, одну песню!

Когда-то Сяо Пин частенько пел ради того, чтобы вызвать улыбку на лице Хайняня. Вот только на деле у него совершенно отсутствовал слух — он умудрялся фальшивить в каждой ноте, превращая любую мелодию в нечто неопишное.

— Нет-нет, уволь, — отмахнулся Сяо Пин. Ему совсем не хотелось позориться перед Юйнянем, но и обижать Хайняня резким отказом тоже не следовало. Пришлось спешно переводить разговор в другое русло: — Лучше расскажи о себе. Как тебе жилось в Великобритании?

— В Великобритании? — Хайнянь на секунду задумался, погружаясь в воспоминания. — Поначалу, конечно, пришлось несладко. Но ко всему привыкаешь. Со временем обжился, и стало полегче.

Хайнянь принялся увлечённо рассказывать о туманном Альбионе: о чопорных местных нравах, чужих пейзажах и непривычных традициях. Юйнянь молча слушал. Кое-что из их разговора он понимал, но большая часть скользила мимо, оставаясь пустой чередой слов. Глядя на то, как теплеет взгляд Сяо Пина, Юйнянь понимал: тот сейчас мысленно вернулся в свои студенческие годы. Сяо Пин ведь тоже учился за границей, в США, и у него наверняка остался ворох похожих воспоминаний. Разговор двоих старых друзей тек легко и непринуждённо, они подхватывали фразы друг друга, спорили, смеялись. Юйняню всё это казалось по-своему любопытным, но постепенно пришло гнетущее чувство собственной ненужности. В этой беседе для него просто не было места.

Осушив стакан до дна, Юйнянь слегка потянул Сяо Пина за край пиджака и тихо шепнул, что отойдёт в уборную, после чего выскользнул из душной кабинки. Оказавшись в тихом коридоре, он с облегчением выдохнул.

Внутри было слишком шумно. Когда Лян Фэн и Чжоу Юань заводились, утихомирить их становилось решительно невозможно. Юйнянь всегда предпочитал тишину и по доброй воле в такие заведения не заглядывал, но сегодняшний вечер утомлял его сильнее обычного. И дело было даже не в пьяном веселье приятелей Сяо Пина. Виной всему были Сяо Пин и Хайнянь. Стоило им заговорить друг с другом, как между ними мгновенно вырастала невидимая стена, преодолеть которую Юйнянь не мог.

Разное детство, совершенно непохожий жизненный опыт, общие воспоминания юности — у них было слишком много точек соприкосновения, закрытых для понимания Юйняня. Когда Сяо Пин оставался с ним наедине, он никогда не заводил разговоров о загранице, общих знакомых или светских сплетнях. С ним Сяо Пин всегда говорил на самые простые, приземлённые темы. Интересно, не казалось ли Сяо Пину это общение пресным? Не скучал ли он?

Выйдя из кабинки, Юйнянь подошёл к раковине и открыл кран, подставив ладони под струю прохладной воды. Его руки нельзя было назвать изящными. Кое-где ещё проступали бледные следы застарелых мозолей — память о тяжёлой подработке в студенческие годы. За последнее время кожа успела стать мягче, но полностью стереть прошлое так и не удалось.

И разве могли эти ладони сравниться с руками Хайняня? Перед глазами Юйняня невольно всплыли тонкие, белые пальцы молодого господина Ду. Написание кода, как и рисование, требует усердной работы рук. Но если у Юйняня пальцы загрубели от вечного стука по клавишам и давней чёрной работы, то у Хайняня на руках не было даже едва заметных следов от кисти или карандаша. Очевидно, за ними ухаживали с особой, маниакальной тщательностью.

Стоило ему об этом подумать, как в поле зрения действительно скользнули холёные ладони. Хайнянь. Подняв голову, Юйнянь встретился с ним взглядом в зеркальной глади над раковиной.

— Молодой господин Ду, — вежливо кивнул Юйнянь.

— А... Ли... Ли Юйнянь, верно? — Хайнянь на мгновение замялся, прежде чем вспомнить имя.

— Да, это я, — Юйнянь повернул вентиль, перекрывая воду. Обычно он не позволял себе тратить воду впустую, но сегодня мысли были заняты совсем другим.

Хайнянь дождался, пока Юйнянь выпрямится. Не торопясь, он принялся методично, палец за пальцем, намыливать руки. Уйти прямо сейчас было бы верхом неловкости, и Юйняню пришлось остаться у раковины, невольно наблюдая за его неторопливыми движениями. Пальцы Хайняня действительно были безупречны. Юйнянь скользил взглядом по изгибам его ладоней, рассматривая каждую деталь: ровные ногти, тонкие фаланги. Указательный, средний, безымянный... Единственной странной деталью, портившей впечатление идеальной холёности, казалось кольцо на безымянном пальце. Слишком уж простым и невзрачным оно выглядело для человека, привыкшего к роскоши. И вдруг Юйнянь замер, всмотревшись пристальнее.

Это был тонкий серебряный ободок без единого камня. Обычное, ничем не примечательное колечко. Но на его матовой поверхности виднелась едва различимая, невероятно тонкая гравировка — переплетение причудливых узоров, которые открывались взору только с самого близкого расстояния.

Хайнянь сполоснул ладони, вытянул из диспенсера бумажное полотенце и принялся тщательно промакивать влажную кожу.

— Ли Юйнянь, я не знаю, как давно ты крутишься в их компании, — небрежно бросил Хайнянь, сминая бумагу в шарик. — Но советую тебе не питать пустых иллюзий. Ну да, эти люди могут открыть перед тобой любые двери и засыпать деньгами. И что с того?

— Деньги? — Юйнянь горько усмехнулся. Он прекрасно знал, кем его считают окружающие — приживалой, присосавшимся к кошельку богатого наследника. Но за все эти годы он не взял у Сяо Пина ни единого лишнего юаня. — Мои мотивы вас не касаются, молодой господин Ду. И как мне жить — тоже.

Не дожидаясь ответа, Юйнянь развернулся и вышел из туалетной комнаты, оставив застигнутого врасплох Хайняня в одиночестве. На самом деле Ду Хайнянь вовсе не желал ему зла. Просто заметив, что этот блёклый парень почему-то важен для Сяо Пина, он решил уберечь его от неизбежного разочарования. Чтобы тот слишком много о себе не воображал.

<http://bllate.org/book/18418/1804823>